

Виктор УЛИН

НЕПОРОЧНОЕ

рассказы о жажде материнства

ЗАЧАТИЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виктор Улин

**Непорочное зачатие.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Улин В.

Непорочное зачатие. Сборник рассказов / В. Улин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Почти все женщины мечтают о материнстве, но не каждой оно дано. Героини рассказов одинаково стремятся стать матерью, но действуют по-разному. Для иных решение чужих проблем оказывается внезапным выходом для себя, но каждая из героинь к чему-то приходит. Методы могут показаться нестандартными и радикальными, но путь не имеет значения, если он привел к цели. А последняя фраза книги отражает истину, несомненную на все времена. © Виктор Улин 2019 г. – дизайн обложки. Содержит нецензурную брань.

© Улин В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Луковый суп	5
Мальчик с соседнего пляжа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Луковый суп

- Ты ведь знаешь, что я люблю только тебя.
Жена смотрела ласково.
- Знаю, – ответил я.
- Не сомневайся.
- Не сомневаюсь. Если бы не любила, не варила бы мой любимый суп, которого сама не любишь.
- Правильно мыслишь.
- Шагнув к столу, она нагнулась и поцеловала меня в нос.
- Так у нас было принято в первую пору знакомства.
- Так продолжалось все пятнадцать лет нашего брака.
- Я тоже люблю только тебя.
- Удержав жену за плечи, я поцеловал ее всерьез.
- Мы оба любим только друг друга.
- Она высвободилась, отошла к плите, приподняла крышку над кастрюлей.
- Я повел носом, уловив аромат.
- Вкусно.
- На самом деле...
- Помешав, жена отложила ложку.
- ...Я тебе варю не самый правильный рецепт.
- А каким должен быть правильный?
- Луковый суп я считал не просто верхом кулинарного искусства, но и лучшим из первых блюд.
- Не таким. У меня он жидкий, лук просто плавает.
- Все равно вкусно, ничего вкуснее не ел.
- Настоящий луковый суп должен быть густой, как жульен. Совсем другая консистенция.
- Наверно, делать такой трудно?
- Я попытался представить себе что-то еще более вкусное, чем то, что сейчас готовился для меня – и не смог.
- Не думаю, что труднее трудного, просто надо точно знать рецепт. Не только чего и сколько класть, но и как и в какой последовательности.
- А ты не знаешь?
- Знаю приблизительно, где-то когда-то читала, но не думала, что понадобится. Не записала, запомнила не все. Пробовала, но так, как нужно, не получается.
- А когда ты пробовала?
- Вопрос был естественным, мы с женой жили на ладонях друг у друга, никогда ничего не скрывали, знали все, что делаем.
- Это казалось не просто нормальным, но единственно приемлемым для супругов, имеющих такой стаж и столь близких между собой.
- Да как-то пару раз. Когда ты был в командировке, и потом еще...
- Жена замолчала, не уточняя.
- А в интернете ты рецепт не искала?
- Мне подумалось, что классический луковый суп можно найти за минуту, пройдя в комнату сына и оттащив его от компьютера.
- Или прямо здесь, взяв айфон, поскольку искать требовалось не картинки, а всего-навсего текст в десяток строк.

– Искала, но там фи́га два найдешь.

– Почему?

– В какой мы стране живем?

– Пока вроде в России.

– Вот именно. В стране победившего быдла, которому нужен не французский луковый суп, а макароны и подешевле.

Она взмахнула рукой.

– В лучшем случае – борщ с курицей.

С последним я был согласен. Жители нашего убогого города в еде ничего не понимали.

– Этот народ никогда не знал ничего слаще пареной брюквы, питается плебейским хлёб-бобом, а в интернете статейки пишет черт знает кто.

Я вздохнул.

– Угроздило же нам тут родиться!

Родину свою я тоже не любил; абстрактная любовь к стране происхождения всегда казалась мне атрибутом идиота. Народ, вынужденный считать соплеменным я презирал, но такой ненависти, какая кипела в жене сильнее лукового супа, еще не испытывал.

Возможно потому, что я все-таки был мужчиной, а она – женщиной. И жили мы не в Америке, а в России, где крестьяне-богоносцы испокон веку били своих жен кулаком в грудь.

– Так что буду искать рецепт дальше.

– Потому что любишь только меня?

Я погладил глазами ее фигуру.

– Да. Только тебя и никого другого.

Жена потянулась к вытяжке, чтобы прибавить оборотов – талия ее была хороша, а под-коленные ямочки, показавшиеся из-под домашнего платья, черного в красный цветок, манили нежным шелком.

– Несмотря ни на что.

– И поэтому...

Замолчав, я оглянулся на дверь.

Из коридора доносилось поквакивание какой-то игры, в которых я давно перестал раз-бираться.

– Поэтому...

Голос я все-таки понизил.

– Поэтому мы и устраиваем этот свинг с Колмановичами?

– Не свинг, а своп.

Наша кухня, не мизерная, но и не огромная, позволяла ощутить себя в комфорте без лиш-них движений.

Сделав всего шаг от плиты, жена закрыла дверь – точнее, задвинула, поскольку я поставил тут клинкет, не требующий пространства для распахивания.

Мягко вздохнула резина уплотнителя, мы оказалась полностью отрезанными от квартиры и от всего мира.

– Свop.

– Я отстал от жизни, до сих пор не могу понять разницы.

– Свинг – просто разврат. Собираются все вместе и трахаются все подряд. А своп – при-личный обмен супругами. Как у нас.

– Ну да, как у нас.

Я еще раз внимательно посмотрел на жену.

То, чем мы занимались с семейством ее подруги, входило в определенные рамки прили-чия, хоть и являлось развратом.

В течение нескольких дней Сергей Колманович жил у нас, а я – у них. С чужими женами мы не ходили по ресторанам, не ездили на шашлыки, а просто жили, не меняя привычного распорядка: ели, спали, стирали белье, по будням – если не удавалось совместить отгулы – ходили на работу, вечером смотрели телевизор.

И, разумеется, занимались всем, чем следовало, причем достаточно интенсивно.

При мне Ирина любила ходить по своей квартире без одежды, лишь на кухне подвязывала передник, чтобы не обжечь живот.

Домашнее платье жены тоже мало чему мешало. Да и расписание сына иногда оставляло нам возможность побыть дома вдвоем и заняться тем же самым.

Но тем не менее что-то мешало быть с ней так же, как с Ириной.

С последней мне было не то, чтобы лучше, но как-то проще.

– И ведь это здорово, не правда ли?

Жена обернулась от плиты.

Грудь в запАхе платья выглядела обильной.

Наверняка Сергей тоже ее любил.

У Ирины грудь размером не отличалась, хоть и оставалась более упругой.

Впрочем, она была моложе моей жены почти на десять лет, разница возрастов определяла разницу бюстов.

На варочной панели запищал таймер.

Выключив его, жена поправила крышку на кастрюле, набрала в чайник свежей воды, приготовила две чашки с заваркой, присела за стол.

– Все готово, пусть настоится пятнадцать минут. Пока заварю чай.

– Завари.

– Могу позволить тебе рюмку водки под суп. Суббота есть суббота.

– Это будет прекрасно. Мы с тобой в самом деле любим друг друга.

Сказав последние слова, я опять подумал об Ирине.

И о нашем обмене, именующемся *«свопом»*. Изначально это английское слово означало комбинацию двух противоположных сделок, снижающую уровень рисков.

В комбинации супругов, именуемой *«обменом женами»*, риски тоже были минимальными, поскольку каждая из четырех сторон знала все о трех оставшихся.

Единственной неточностью оставалось то, что на самом-то деле обмен шел мужьями, жены оставались по местам. Так мы решили сразу, поскольку нормальной женщине было проще заниматься ненормальными делами на своей территории. К тому же моя жена три раза в день меняла трусики, ее переселение на неделю требовало прицепа с вещами, а мы с Сергеем обходились несколькими рубашками.

– Представляю, что было бы, если бы нас сейчас слышали.

Жена засмеялась, искоса взглянув на закрытую дверь.

– Мы совмещаем супружескую любовь с супружеской изменой.

– Причем узаконенную взаимной договоренностью сторон.

– В этой стране с ее крестьянским менталитетом нас бы не понял никто.

Ругать нашу великую родину жена могла бесконечно.

– Я с тобой согласен. В СССР секса не было, в России тоже скоро не станет. Только тут крестьяне ни при чем, все глубже. Сама общественная *«мораль»* основана на лжи.

Она кивнула, я принялся распространять мысль.

– Христианские установки – это же полный бред! Единственно приятное дело именуется *«грехом»*.

– Именно так. Государству нужны рабы, но порнуха под запретом. Дети должны появляться путем непорочного зачатия.

– На самом деле если бы масса соотечественников думала иначе, то не дала бы воли христианам. Но даже умные люди только ввали, ввали и врут.

Щелкнул чайник.

Жена встала, чтобы заварить нам чай.

– Это же надо представить! Самый великий поэт до самой смерти пёр все, что движется и не движется все из лунного серебра, а писал про «я другому отдана и буду век ему верна». И вся русская масса до сих пор восторгается девицей, этой чугунная статуэткой без половых признаков.

– Согласен с тобой. Из всех животных моногамны только птицы. Так что с них взять: у них мозги с наперсток.

– А после этого поэта... Моральный кодекс строителя коммунизма, по которому жили еще наши мамы и папы. За развод выгоняли с работы и вселяли мысль, будто секс нужен мужчине, а женщина только терпит. Ты можешь себе представить – я, когда училась в школе, тоже так думала.

– А когда учился я...

Я вздохнул.

– Это было в то же время, но не хочется вспоминать.

Наш разговор, начавшись луковым супом, повел в неожиданные дебри.

– Ты знаешь, я ведь в свое время всерьез считала, что член сосут только проститутки!

– А что касается проституток...

Говорить про падших женщин было легко, хотя я никогда не имел с ними дел.

– Русская классика вечно обмусоливала тему. И несчастные они и унижаемые, и деваться им некуда. Но на самом деле чем дольше живу, тем больше мне кажется, что в проститутки идут те женщины, которые просто любят трахаться.

– Именно так.

– А которая трахаться не любит, становится учительницей.

Такой грех за мной имелся: педагогинь средней школы я не считал не только за женщин, но и за людей; каждое родительское собрание сына укрепляло во мне это мнение.

– А я, представь себе, член сосать всегда любила и люблю до сих пор.

– Я знаю.

Мне представилось, как жена реализует свое увлечение на этой кухне, но не со мной. Впрочем, представлял я такие варианты давно и, при всей опасности показаться циником, не видел в воображаемом из ряда вон выходящего. Чувство мужчины-собственника во мне было минимальным – равно как молчали собственнические чувства женщины в жене.

Видимо, то же было у Колмановичей.

– Я уж не говорю об анальном сексе. Во внешнем сознании социума это удел проституток, которых выгнали из публичного дома за разврат.

– А ты что... С Сергеем...

Я никогда не расспрашивал жену о деталях своп-каникул, но сам такой вариант никогда не пробовал, останавливаемый брезгливостью даже с теми партнершами, которые просили.

– Нет конечно. Я вообще никогда им не занималась. Ну то есть один раз пробовала – в школе, в восьмом классе, когда уже хотелось, но еще была повернута на девственности. Попе стало больно, чуть не умерла. Это не для меня, однозначно.

– Ну ладно тогда.

Я почему-то ощутил облегчение.

– Но вообще все течет и изменяется... Школьницей я страшно любила вкус спермы.

– Правда? Ты мне не говорила.

– Просто не пришлось. Так я не просто любила, а добавляла в кофе вместо молока.

– Ничего себе. Сама придумала или кто-то посоветовал?

– Ни то, ни другое. Получилось случайно, потом понравилось. Но я не о том.
Жена посмотрела в сторону плиты, суп все еще ждал сигнала.

– Тогда казалось – ничего вкуснее нет. Сейчас, конечно, не тошнит, как некоторых, но все равно хочется поскорее выплюнуть.

Она помолчала.

Глядя на нее, я думал и думал об Ирине Колманович.

Точнее, размышлял о том, ведет ли она подобные разговоры со своим мужем за столом.

И готовит ли ему луковый суп из своей любви.

И любит ли этот суп Сергей.

– А вообще мы с тобой современные молодцы, другой муж на твоём месте мне бы ни о чем таком даже заикнуться не позволил.

– Почему я тебе, а не ты мне?

В самом деле, обмен женами с Колмановичем, которого близким другом я не считал, был приятен, но инициатива изначально исходила от нее.

– Потому что опять-таки, местный менталитет. Если мужчина ебёт кого ни попадя, то он мачо и это хорошо. А если женщина любит трах ради траха, то она блядь и ее надо побивать камнями.

– Пожалуй, что так.

– Хотя что особенного, когда женщина трахается с разными мужчинами? Раньше бывали танцы, там просто держались друг за друга. Теперь продвинулось – соединяют не руки, а другие части. Так разве это плохо, если всем в радость и никому не во вред?

С этим тоже нельзя было не согласиться; моя жена умела видеть суть и формулировать точку зрения.

– На самом деле все проще. И глубже. Еще раз скажу – всегда считалось, что мужчина хочет, а женщина терпит ради долбаного материнства. А на самом деле секс нужен больше, чем мужчине, особенно начиная с определенного возраста.

– Ну уж и возраст! – перебил я, зная, что это доставит ей удовольствие.

– Возраст. Но поверь – считалось, что в тридцать пять все пора забыть, а на самом деле хочется забыть все, только ебаться, ебаться и ебаться, как завещал великий Ленин!

– В счастливом браке.

Я усмехнулся.

– Именно что в счастливом.

Одним из умений жены было понимать меня без слов.

– Брак и секс не имеют отношения друг к другу.

– Ты думаешь?

– Не думаю, а знаю.

Жена повернулась к окну, положила ногу на ногу.

Колени ее были очень красивыми, наверняка они нравились и Сергею.

– Я с тобой очень счастлива. Ты – моя жизнь. Я люблю тебя и уважаю и за тобой как за каменной стеной. Мы с тобой не просто семья с сыном – мы одно целое.

– Согласен.

– Но все это несовместимо с сексом.

– Несовместимо?

– Конечно. Я к тебе привыкла, у нас общие проблемы. И какой у нас с тобой может быть секс, кроме гигиенического сношения, если ты засовываешь в меня член, а я думаю, успеешь ли ты до конца месяца сменить счетчики, или воду нам выставят по нормативам?!

– Пожалуй, что никакой.

Я кивнул и вспомнил, как еще давным-давно сокурсник утверждал, что нельзя ходить в один унитаз с женщиной, с которой спишь в одной постели.

Тогда, воспитанный отголосками онегинских химер, я спорил с тем любителем жизни, теперь скорее бы согласился.

– О водосчетчиках в доме Колмановичей думают Ирина с Сергеем, но не ты с ним и не я с ней. Так?

– Так. Поэтому я расслабляюсь по полной. А не потому, что он моложе тебя, и член у него толще и лучше стоит.

Пожав плечами, я подумал, что все обстоит именно так.

– Тебе, кстати, с Ириной нравится?

– Нравится.

Я ответил скупой, не желая вдаваться в подробности.

– У нее красивое тело?

– Красивое.

Взглянув в сторону лукового супа, я опять вспомнил жену Колмановича.

– Но у тебя талия тоньше.

– Талия у Ирины тоньше моей, просто у меня жопа больше, и так кажется.

– Надо же, такие параметры я даже не оценивал. В следующий раз возьму сантиметр, измерю Ирину талию. Ну и жопу, ясное дело, заодно – как без нее?

– У нее была бы больше моей, просто бедра не разошлись, потому что не рожала.

– А кстати, почему Ирина не рожала? Или двадцать пять лет еще не возраст?

– На самом деле двадцать семь и это уже возраст. Но она не может.

– Почему?

Вопросы чужих детей меня интересовали минимально, но касающееся своп-партнерши казалось серьезным.

Тем более, что отсутствие детей у Колмановичей все облегчало: требовалось спровадить к бабушке лишь нашего сына, их дом был всегда готов.

– Ирина бесплодна?

Это не казалось реальным.

Я знал, что моя обменная партнерша не пьет средств, панически боясь располнеть, но предохраняется самым простым способом.

Надежным, как сто таблеток, и вредным для обоих.

Лишающим женщину гормонов, а мужчину – сладости последнего момента.

– Я не так выразилась. Они с Сергеем не могут.

– Он служил на атомной подводной лодке? Я о нем почти ничего не знаю.

– Не служил, с этим все нормально. Просто он боится иметь детей.

– А почему боится?

– У Сергея дурная наследственность, он может родить дебила.

– Дебила?!

Перед глазами встал Сергей Колманович – стройный красавец в темно-фиолетовом костюме из крученой шерсти, в тридцать с чем-то лет возглавляющий второй по значимости отдел в крупнейшем после Сберегательного банке нашего региона.

– Да. Иринин свекор – дегенерат.

Слова жены выходили за рамки моих знаний.

– Сельский житель. А в любой деревне все между собой кровная родня, в каждой семье по пять детей и половина – умственно неполноценные.

– Послушай...

Я потер затылок.

– Как-то не вяжется. У Ирины, которая Колманович, деревенский свекор?

– Колманович – Ирина, Сергей был Пастухов, в браке взял ее фамилию, потому что хотел разорвать связь со своими, как любят кричать на каждом углу, «корнями».

– Надо же... Как много можно узнать.

– Своих родителей он забыл в тот день, когда уехал из деревни. За всю жизнь после университета ни разу там не бывал.

– Ну и что, отец Сергея такой страшный? Ты его видела?

– Видела, к ним приходил. Деревенская обезьяна, которая обедает на табуретке и моется раз в неделю.

Сельских жителей жена ненавидела лютой ненавистью, тому имелись причины, связанные с ее работой.

С Сергеем Колмановичем, урожденным Пастуховым, картина не согласовалась.

– Тупая хитрая рожа. Когда на таких смотришь, то думаешь, прав был Сталин, который не давал колхозникам паспортов и не пускал в город всю огородную срань.

– То есть держал крепостное право?

– Для таких скотов и должно быть крепостное право. Но при царе талантливые от барина выбивались в люди. А безмозглых всю жизнь пороли на конюшне, потому что иного не заслуживали.

– Ты крута, но тем не менее...

– Сергей ведь выбился, потому что мог и хотел.

– Так вот видишь – Сергей нормальный человек, и дети у него должны быть нормальные.

– А могут и не быть. Гены передаются через поколение, а у кретинов они сильные.

– Ты так думаешь?

– Уверена. Евгенику не Гитлер изобрел.

– Ну а что Колманович, который Пастухов?

– У Сергея есть старший брат, уже за сорок. Тоже нормальный, живет в городе, женат на нормальной женщине. Так вот у него сын – такая же тупая скотина, как дед. Ему купили диплом, он не работает, потому что не может. Двадцать пять лет, жирный, как хряк, сидит на шее у родителей, днем спит, ночью смотрит японские аниме для таких же дебилов.

– Бывает и такое?

Я подумал о нашем сыне: толковом и смышленном, уже зарабатывающем на копирайтерской бирже по темам компьютерных игр – и не смог провести аналогию.

– На самом деле, конечно, все может обойтись, но они не решаются. Хотя ребенок был бы не просто Колманович, а по всем законам еврей, смог бы уехать в Израиль.

– Ты думаешь, в Израиле так уж хорошо? Мне кажется, народ – везде говно, если нет возможности от него не зависеть.

– Везде, говно, конечно. Но говнее, чем в России, быть не может нигде. В Израиле хотя бы нет зимы,

Я не возразил. Мне самому давно хотелось найти себя миллиардером на необитаемом острове в тропиках.

Но в последний год думалось, что неплохо иметь рядом второй остров, где жили Колмановичи.

– Но ведь есть какие-то выходы? Искусственное осеменение или ребенок из детдома?

– Искусственного от хрен знает какого донора они не хотят. А детский дом... Это только в статейках все прекрасно и удивительно. Обретение новых родителей, до сих пор воспитание нового человека и прочая хрень. На самом деле все решает генетика. И если родители – срань и рвань, то дети вырастут точно такими же. А в детдомах контингент с соответствующей наследственностью. На нормальных людей, которые утонут или сгорят, а дети выживут, очередь написана на десять лет вперед.

Вздых жены был искренним.

Я по-новому подумал о Колмановичах, до этого момента казавшихся мне символом самодостаточности, проявляющейся и в том, как легко они пошли на «своп» без опасения за семью.

– И что, они никак не могут решить проблему?

Жена хотела что-то сказать, но вытяжка трижды пропищала и выключилась, сообщая, что луковый суп настоялся.

Мы одновременно – как положено параллельно думающим супругам – встали с мест.

Она потянулась за бульонными чашками из чешского фарфора, я полез в холодильник за початой бутылкой водки «Сова».

У стола мы столкнулись.

Одной рукой я притянул жену к себе, второй взял за бюстгальтер, без которого она не могла ходить из-за сына, в свои тринадцать лет замечающего слишком много.

Ее губы хранили вкус кофе, выпитого перед началом готовки.

– ...Мама, я тоже хочу есть!

Отпустив ее, я обернулся.

Сын стоял в раскрытой двери, смотрел наивно, но требовательно.

– Коля, дай нам с папой пять минут. Я тебя позову.

Налив быстро, я выпил первую рюмку не садясь.

* * *

– Ты любишь Риту?

Ирина Колманович глядела на меня с соседней подушки.

– Очень.

Свою жену я любил больше жизни, в постели с другой женщиной это ощущалось с особой силой.

Наверное, кому угодно такие ощущения казались иррациональными, но я был именно таким человеком, испытывал именно такие эмоции.

Посмотрев на Ирину небольшую грудь, я вспомнил, при каких обстоятельствах испытывал самый сильный пик любви к своей жене.

Это было шесть лет назад.

Я подарил ей на день рождения кольцо с бриллиантом – не к юбилею, а при проходной дате, не казавшейся эпохальной, потому камень выбирал не по размеру, а по своим возможностям. Размером со спичечную головку, но чистой воды и хорошо ограненный, он сверкал на ее пальце, словно лучик света в капле росы. Жене подарок страшно понравился, но носила она его всего один день, поскольку уже на следующий потеряла, стащив вместе с перчаткой и уронив в снег неизвестно где.

Я, конечно, ругался, но при этом чувствовал, что люблю ее еще больше. Люблю именно за эту потерю – люблю безумно. И если бы мне предложили половину города за возврат кольца, я перебил бы всех, не пощадив даже Колмановичей, с которыми мы еще не собирались стать свопперами. Но, конечно, все остались живы: просто я купил другое кольцо, меньшего размера и с большим камнем.

– А почему ты это спрашиваешь?

– Потому что сама подумала, как сильно люблю Сергея.

– Именно сейчас?

– Именно сейчас.

Улыбнувшись, Ирина повернулась, закинула на меня ногу.

Ее колено было матовым и гладким, но у жены все-таки оно было лучше.

– Знаешь, Саша...

Голос был мягким, как и ее кожа.

– Чем чаще мы с тобой...

Я коснулся Ириной груди.

– Мне очень хорошо с тобой. И чем лучше, тем сильнее понимаю, как я люблю Сергея и до какой степени я счастлива с ним.

Этим утром мне в голову шло и шло все, что я узнал о Колмановичах.

Теперь я думал, что эта грудь никогда не брызнет молоком – ее уделом останутся ласки, не ведущие ни к чему существенному.

Слова о счастье казались иллюзией, питающей ее саму.

– Мне тоже с тобой хорошо.

Я нашел ее губы.

Дыхание Ирины было чистым, поцелуй – не слишком горячими, но нежными.

Ее нога лежала на моем животе.

Я опустил руку.

Бедро было прохладным, ниже оказалось тепло и влажно.

– Я там давно не брила.

Ирина по-своему поняла мои действия.

– Так и прекрасно.

Мой палец не встречал преград.

– Не люблю, когда голое, как охлажденная курица. У тебя оптимальная длина: гладить приятно, внутрь не затягивается.

Ирина перевернулась на спину, сжала мою ладонь, вытянулась, бросила руки за голову.

Запах ее утреннего тела был восхитителен.

– Хорошо.

Я опять поцеловал ей грудь; я никогда не мог насытиться ею досыта.

– Нравится?

Ирина смотрела ласково, но спокойно – совсем не так, как смотрит женщина, которая сдавила бедрами мужскую руку.

Да и я...

Я ощущал благодатную сладость во всех членах, приумноженную сознанием субботнего утра, дарящего целый день до вечера без мыслей о завтрашнем. Но тоже не более того: я не находил в себе багрового трепета, который считался обязательным в процессе, сумрачном до финальных содроганий.

– Ир...

Ее сосок пока не убежал, я оторвался без сожаления.

– ...Ты умеешь готовить классический луковый суп?

– Луковый суп?!

Ход моих мыслей удивлял даже меня – что было говорить о женщине, которая меня почти на знала.

– Ну да. Рита варит, но говорит, что у нее выходит похлебка, в которой плавают вареный лук. А настоящий суп королей должен быть другим.

Ирина слегка шевельнулась, делая мне удобнее.

– Настоящий луковый суп – это закуска. Делается на основе муки и расплавленного сыра. Лук пассеруется, он не вареный, а обжаренный. И по готовности добавляется белое вино.

– Так ты умеешь?

– Конечно. Сергей очень любит. Хочешь, приготовлю сегодня для тебя?

– Хочу.

– Только вина нет. Сходишь?

– Схожу. Только сначала...

Я снова припал к Ирининой груди – она погладила меня по голове.

– Ты ведь не против?

– Когда я была против?

– Но, может, мне умыться, побриться?

Я знал, что этого не нужно, но соблюдал определенные правила.

– Не надо. Просто постарайся не царапать меня щетиной.

– А ты? Попить, попить?

– Тоже потом. И пить и попить. И руки мыть.

– Ну хорошо.

Неподвижность Ирины дарила одно из главных моих удовольствий.

– Здорово.

Отозвавшись легкой волной, она раздвинула ноги, как было удобнее ей.

– Что именно здорово?

Подмышки ее манили не меньше прочего.

– Что ты так легкоходишь в меня без рук.

– Так я к тебе уже привык.

– И это меня радует.

– А ты, Ир?

– Что я?

– Ты ко мне так и не привыкла.

– Ты имеешь в виду, что я с тобой не кончаю?

– Именно это, да.

– А тебе это надо?

– Трудно сказать.

Приподнявшись на локтях, я взял Ирину двумя руками.

Держаться за нее было удобно.

– В тупой порнухе все стонут, на самом деле все проще и спокойнее.

– Ты прав. Все проще и спокойнее. И мне больше нравится.

– Но все-таки я был бы рад, если бы у тебя получилось.

– На самом деле для меня это не обязательно. Мне хорошо с тобой и того достаточно.

– А...

Хотелось спросить, достаточно ли того Ирине с Сергеем, но я сдержался.

Вспомнил слова жены о смене приоритетов и спросил другое:

– А хочешь, я тебя поцелую?

– Почему спрашиваешь? Ты разве меня уже не целуешь?

– Не тут, а там.

– Хочешь приласкать мне клитор?

Меня всегда поражало, что женщины – эфемерные образы русской классики, бледнеющие от оброненного веера – без стеснения озвучивали этапы полового акта и детали половых органов.

Мужчины выражались куда более мягко.

– Да.

– Нет, спасибо.

– Ты меня стесняешься?

– Что ты, Саша? с чего бы я тебя стеснялась. Просто не люблю.

– И с Сергеем тоже?

Держать в себе вопросы я не мог.

– И с Сергеем тоже.

Ирина подалась ко мне сильнее.

– Мне достаточно вот этого.

– Не слишком глубоко?

Соединение наших тел было почти пронзающим.

– Нет, очень хорошо.
Не отпуская груди, я поцеловал Ирину – неторопливо и спокойно.
– Саш.
Она облизнула губы.
– Скажи, ты вчера не кончил потому, что устал?
Я вздохнул, вспомнив вчерашний вечер.
Она была очень хороша, но мне было уже не двадцать лет, чтобы продлевать наслаждение часами, а потом легко доходить до точки.
– Мне показалось, что устала ты.
– Чуть-чуть. Но я могла бы потерпеть.
– Не могла. Не должна была терпеть ради моего удовольствия.
– Ты настоящий мужчина, Саша.
Ее живот меня обжигал.
– За всю жизнь знаю только двух таких. Сергея и тебя.
Не отвечая, я снова ее поцеловал.
– Будешь кончать?
– Пожалуй да.
Я приподнялся на руках.
– Ты куда?
– На всякий случай. Все-таки...
– Я это чувствую.
Тело Ирины вздрогнуло.
– Но не надо из меня выходить.
– Не надо?
– Нет.
– Какой у тебя день?
Она посмотрела в потолок, словно там был напечатан календарь.
Очень темные глаза были влажными, как у девы Марии на *«Сикстинской мадонне»*.
– Кажется, двадцать пятый.
– Так кажется или двадцать пятый?
Ответственность за женщину, предоставившую свое тело, не покидала меня никогда.
– Двадцать пятый, точно. Кончай в меня, не ошибешься.
– Спасибо, Ира.
Я снова уткнулся лицом в ее подмышку – недавно бритую, но уже слегка отросшую, приятно покалывающую нос.
Несомненно, жена была права, устраивая этот *«своп»*, освежающий и дарящий новую жизнь.
– Еще немного потерпи.
Мне не хотелось получать удовольствие слишком быстро.
– С чего ты взял, что я тебя терплю?
Ее тело было частью моего.
– Саша, наслаждайся, сколько хочешь, мне приятно.
– Я хотел бы до вечера, но...
– За соски меня возьми, пожалуйста.
Протолкнув вслепую руки между нашими слипшимися телами я все-таки успел выполнить ее просьбу.
– Спасибо, Ирина, – сказал я, переводя дух.
– Пожалуйста.
Она светло улыбнулась.

– И тебе спасибо, Саша.

– За что?

– У тебя сперма живая!

Держа меня за обе щеки, она поцеловала глубоко, как никогда.

Хотя, возможно, так бывало всегда, просто наши свидания обычно приходились на опасные дни, и пузыристая лужица на ее животе не опускала меня в бездну ощущений, какая звенела сейчас.

– Почему?

– Потому, что она несет жизнь.

Я расслабился, только сейчас поняв, что все еще напряжен последствием момента – между нами стало горячо.

– Разве женщина может ее чувствовать?

– Я могу.

Ирина сжалась, не давая мне выскользнуть.

– Ир, мне хорошо с тобой.

Несколько последующих поцелуев дополнили мои слова.

– Так хорошо и так спокойно и я ни о чем не думаю вообще.

– Я тоже ни о чем не думаю, Саша.

Я опять опустил, ткнулся носом в ее шею.

В самом деле, с этой женщиной мне было почти так же хорошо, как с женой в первые годы.

Не потому, что Ирина была моложе на десять лет – свежее тело жены до сих пор могло с ней соперничать. И не из-за новизны, тоже сомнительной, поскольку в трюках моя супруга была неисчерпаема.

Просто в семейной постели я сейчас думал бы о новых кроссовках, которые требуются сыну, а с Ириной не думал ни о чем кроме того, что наши тела соединены и, кажется еще не насытились.

– Мне просто хорошо.

– Мне тоже.

Я почувствовал, как Ирина гладит меня по спине.

– Хочешь, сегодня надену чулки?

– Для меня?

– Для тебя.

– Черные?

– Черные.

– С силиконом или на поясе?

– С силиконом, но на поясе, потом отстегну и останутся на резинках.

– Хочу.

Приподнявшись, я несколько раз поцеловал ее в губы.

– Хочу, хочу, хочу.

Ирина молча улыбалась.

– Но можно еще немного полежу на тебе?

– Можно и не немного.

– Ты не устала?

– Ничуть.

– Тебе не тяжело?

– Нет. Ты очень легкий. Тебя надо откармливать.

Ирина засмеялась.

– И ты начнешь сегодня с лукового супа на сыре и муке?

– Начну.

Встав на локти, я взял Ирину за грудь.

– Хочешь еще раз сразу, или сначала выпьем кофе?

– Хочу. Но, если честно, еще не знаю, смогу ли. Надо подумать.

– Пока думаешь, дай мне, пожалуйста, телефон с тумбочки. Сможешь дотянуться?

– Смогу. Кому будешь звонить?

– Сергею. Когда я вчера вынимала твои рубашки, на стиральной машине замигал замок, надо вызывать мастера, а номер знает только он.

Я мгновенно вспомнил, что у меня тоже есть известный мастер, но об этом не сказал, подумав, что жена была права во всем.

* * *

– Я так люблю Ирку...

Сергей Колманович разлил водку по рюмкам.

– Я тоже люблю Риту.

– Мы все любим друг друга.

– И это хорошо, Саня, разве нет?

– Очень хорошо, Серега.

Чокнувшись, мы выпили.

И потянулись серебряными ложками к чашкам чешского фарфора.

Там дымился суп.

Густой, аппетитный, посыпанный перцем поверх золотистых кусочков хорошо прожаренного лука и разводов расплавленного сыра.

Наши жены священнодействовали над ним полдня.

Рита записывала каждый шаг, пробовала на вкус каждую стадию.

Я знал, что она теперь будет готовить это для меня.

Сейчас женщины уехали по магазинам, сын ушел к приятелю в соседний подъезд, а мы с Сергеем счастливо сидели за столом, пили водку, закусывали королевским супом и блаженствовали, как два бухарских эмира.

Причину своего блаженства я знал; классический французский суп в исполнении наших жен был выше всех похвал.

Но почему так искрился счастьем Колманович, которого этим супом кормили регулярно, я понять не мог.

– Будем, Саня!

– Будем, Серега!

Мы выпили еще.

Счастье плавало вокруг меня, как этот самый суп.

– Мы все большие молодцы.

– Я тоже так думаю.

– И наши жены и мы с тобой.

– И мы с тобой, Саня. Но все-таки жены – больше.

Я повернулся к двери.

Квартира была пуста, но я увидел жену – тоже счастливую в предвкушении того, чем начнет заниматься без мыслей о водосчетчиках и стиральной машине.

И тут же увидел Ирину.

В одном переднике она была, конечно, ужасно хороша.

Я понял, что хочу ее до потери пульса.

– Ну что, Сергей, строим дальнейшие планы?

Странно улыбнувшись, Колманович промолчал.

– Дед с бабкой отдохнули, Колю сплавим нахер в ближайшие выходные.

– Нет, Саня. Сплавливать никого не надо. Ни на хер, ни в другое место.

– А что так?

Я не понимал, что он имеет в виду, ведь мы только что говорили, какие все молодцы.

И говорил он сейчас без капли досады, естественной в такой ситуации.

– Ирка непригодна для сплава.

Сергей улыбался и улыбался, а я так не понимал.

– А в одну сторону будет уже не своп, а блядство.

– Согласен.

Последнее утверждение показалось верным.

Я опять налил водки.

Так вышло, что мы не встречались с того дня, когда Ирина до вечера проходила в черных чулках, надетых специально для меня, и я не ориентировался в ее месячных.

Причина была ясной без слов.

Выпив, Колманович улыбнулся еще раз.

– Ирка беременна.

– Беременна?!

– Да.

Я вспомнил все, что происходило между нами.

Срок, несомненно, был малым, все висело на волоске, Ирине стоило беречься от всего, любые отношения с ней вышли за рамки допустимого.

Это не подлежало сомнениям, поскольку являлось жизненной необходимостью.

Мне хотелось сказать массу слов.

Порадоваться за Ирину, за Сергея и заодно за всех нас.

Сказать, что ради этого стоит жить.

Что мы четверо в самом деле очень большие молодцы и «своп», организованный женой, был устроен не зря.

Но говорить лишнего не стоило.

Я поднял свою рюмку, чокнулся с Сергеем, улыбнулся и просто сказал:

– Поздравляю.

Мальчик с соседнего пляжа

1

Темная сине-зеленая волна с шумом ударила в берег, гоня перед собой гальку в кипящей пене.

В волне появилась Милана.

Белый купальник, сделавшись прозрачным, облепил тело, проявил детали. Особенно хороша была нижняя часть – заманчивые линии зрелой нерожавшей женщины.

Зная это, она любила дразнить окружающих – стояла голая от воды и не спеша отжимала мокрые волосы, давая любоваться собой. Острота была особенной в первые дни приезда.

Сидя в шезлонге первого ряда, Попов физически ощущал, как ее тело разглядывают все, находящиеся поблизости.

Женщины со злобной завистью, мужчины – с почти таким же злобным вождением.

Он знал, что постояв, как на подиуме, Милана грациозно пройдет по песку и сядет рядом. Повернется спиной, давая ему расстегнуть лифчик. И ни от кого не скрываясь сменит купальник, поскольку не любила быть в мокром на ветру.

Такова была его тридцатипятилетняя жена, не боящаяся никого и принадлежавшая только ему.

Не принадлежащая, а именно принадлежащая – в прошедшем времени. В прошедшем и только прошедшем, он это понимал сильнее с каждым днем.

Показав себя всему пляжу, Милана повернулась идти, но дорогу преградил какой-то невысокий парнишка. Она склонилась, тот говорил, сопровождая слова жестами. Кругом ходили люди, шумели и брызгались дети – жена оглянулась, отчего-то смутилась, лицо ее вспыхнуло сильнее, чем от соли и горячего ветра.

Он о чем-то просил, хотя было непонятно, что может просить мальчик у незнакомой тетки.

Сотовый телефон, чтобы позвонить родителям, немного денег? Это казалось абсурдом, под Миланиным купальником не могло спрятаться десятикопеечной монетки.

Показать дорогу на соседний пляж или в соседний отель? Но для этого не требовалось много слов, да и жена не вела бы себя столь странно.

Попов поднялся, настал момент выяснить проблему.

Но спорщики сами шли к нему.

2

– Сядь пока.

Жена кивнула в сторону шезлонгу.

– А ты Саша, иди сюда...

На ее лице играла краска не то смущения, не то чувства, Попову неизвестного.

Пахнуло морем, она припала к его уху, зашептала:

– Представляешь себе, что просит у меня... у нас... этот парень?

– Что?

Она казалась почти радостной и это радовало.

– Он...

Покраснев еще сильнее, жена прыснула. И даже закашлялась, спрятала лицо в ладонях. Он терпеливо ждал, догадавшись, что просьба мальчика нешуточна, но даже отдаленно не представляя сути.

– Саш, Саш!

От усилия сдерживать смех из ее глаз потекли слезы.

– Представляешь, мальчишка просит нас с тобой... как бы сказать... перепихнуться. И предлагает за это заплатить.

– Не понял.

Попов был оглушен набором слов, которые не соединялись между собой.

– Поясни.

– Поясняю.

Милана слегка успокоилась.

– Он говорит, что заплатит нам за то, чтобы мы совершили при нем супружеское соединение.

– И... только?

– И только. А тебе мало?

– Да нет, не мало.

Услышанное казалось абсурдом.

– Зачем ему это надо?

– Хочет посмотреть, как происходит главное дело всей жизни. Все толково, кстати, объяснил. Умный мальчик.

– Да уж. И даже чересчур. Ну и что? Ты его, надеюсь, послала к ебням? Или... судя по тому, что он за тобой увязался, не послала?

Жена промолчала.

– Так?

– Саш.

Смех зазвучал растерянно.

– Конечно, надо было его послать и впридачу надрать уши за приставание с неприличными просьбами. Но... Я не знаю, что произошло.

Она повела плечами, пока еще белыми.

– Я не поняла, как ввязалась в разговор. И, кажется, успела что-то пообещать.

– Зачем тебе это?

– Не знаю. Как-то так получилось.

– Ну и ну...

Попов покачал головой.

Просьба мальчика была столь дикой, что выпадала из разряда требующих реакции. И он понимал жену, ошеломленную наглостью в сочетании с юным возрастом.

– Так что ты ему обещала?

– Да в общем ничего. Сказала – просьба серьезная, надо посоветоваться с мужем.

– Это верная мысль.

Он помолчал.

– Но чего хочешь ты сама?

– Сама...

Темно-зеленые Миланины глаза глядели в сторону.

– Саша, со мной творится нечто странное. Умом я понимаю, что все полная дичь. Но вот этим местом...

– Этим?

Переодеть насквозь просвечивающие трусики она не успела, вопрос был понятен.

– Ага, этим.

– Так что этим?

– Этим кажется, что ничего особенного. Что для меня... для нас с тобой будет прикольно потрахаться на глазах у мальчишки. От нас ничего не убудет, а ему... удовольствие.

Попов вспомнил себя в том возрасте. Представить, что он обратился с подобной просьбой, было немыслимо, да и взрослые иначе относились к процессу. Мальчишкам оставалось блуждание в потемках, отрывочные знания и разглядывание картинок с пловчихами или фигуристками.

– Идем, поговорим с ним.

Жена тянула за руку; кажется, она уже все решила.

3

Мальчик ждал в шезлонге.

Чистенький и ухоженный, он выглядел невыразительно, его нельзя было узнать, увидев во второй раз.

– Так чего же ты хочешь? – спросил Попов, сев напротив.

– А ваша жена не сказала?

Голос был приятен, звучал вежливо.

– Моя жена сказала. Но я желаю слышать от тебя.

– Я хочу...

Запнувшись, парнишка слегка покраснел.

– Хочу, чтобы вы... показали мне, как все делается реально. Я заплачу.

– Про заплачу уже слышал. Ты скажи другое: зачем тебе это видеть? Ты не маленький, живешь в современном мире. Не мне объяснять, что сейчас младенец может выйти в Интернет и увидеть все, что можно и даже чего нельзя.

– Так в том-то и дело! Я порнухи насмотрелся – во!

Он чиркнул себя по горлу.

– Но там фанера одна!

– Не понял.

– Ну лажа и чепуха! Все искусственное. А я хочу знать, как это на самом деле.

– А ты не думаешь, что стоит подождать, пока сможешь не только узнать, но и попробовать?

– Во-первых, мне уже столько лет, что попробовать я могу. Но прежде, чем пробовать, надо знать.

Слова звучали серьезно, почти отчаянно.

– А откуда узнать, если везде вранье?

– Маленький негодяй умеет убеждать.

Милана смущенно улыбнулась.

– Но скажи мне тогда, почему для своей... просьбы... ты выбрал именно нас?

Попов не заметил, как мальчик втянул в разговор и его.

– Я выбрал не вас, а вашу жену. Потому что она красивая. Очень красивая. Красивее всех других тё... других женщин на вашем пляже.

– Вот мерзавец, – с чувством сказал Попов, заметив, что Милана порозовела. – С горшка не слез, а уже знает, как подольститься к женщине. Он тебе это тоже говорил?

– Ага.

Жена кивнула.

– Даже пытался расписать мои достоинства.

– И еще я понял, что у вас нет детей и никто не помешает, – продолжил проситель.

– Глазастый мерзавец.

Попов покачал головой.

– И как обо всем догадался, если как бы ничего не знаешь?

Мальчик пожал плечами.

– А ты не боялся за такую просьбу получить по мордам?

– Так я же не к кому попало обратился. Вы люди интеллигентные. Бить не станете.

– Не станем. Возьмем за руку, отведем к родителям и расскажем, чего ты хочешь от взрослых дядьки с теткой. Этого тоже не боишься?

Милана с непонятной улыбкой слушала идиотской диалог.

– Не-а. Я приплыл с соседнего пляжа. Там сетка в море, но я знаю место, где можно поднырнуть. А живем мы вон в том отеле. Туда охрана не пропустит.

Отель «*Гранд Оранж*» стоял на горе и был самым роскошным в этом месте. На мальчике не имелось браслета, так бывало только в люксовых заведениях, где охрана вела фэйс-контроль и не нуждалась в опознавательных знаках. Парнишка не врал.

– Родители живут своей жизнью. Когда надо, звонят мне на мобилу.

Мальчик вытащил из плавок маленький телефон в герметичном чехле.

– Отец каждый день выдает деньги. На всякие мороженые, катание на бананах и прочую фигню. Так что не волнуйтесь, я вам заплачу.

– Послушай, как тебя зовут?

Попов усмехнулся.

– Случаем не Рокфеллер?

– Меня зовут Джин.

– Ну если ты Джин, то я... Эллиен, – быстро сказала Милана.

– Тогда я – Чак, – так же быстро ответил Попов, не успевая сообразить, что делает.

– Не Джин, а Джин.

– Так ты не только интересуешься взрослыми занятиями, но еще и пристрастился к спиртному?

– Нет.

Выбить этого мальчика из колеи не представлялось возможным.

– «*Джин*» сокращенное от «*джинджер*», что по-английски значит «*рыжик*». Не в смысле гриб, а человек с рыжими волосами. Я учился в английском лицее, у всех были ники.

– Но разве ты рыжий?

Милана удивилась.

– Ты самый обычный из обычных. У рыжих кожа белая, а ты вон какой загорелый.

– Не знаю. Не помню. Говорят, в первом классе был рыжим. Потом потемнел, а кличка осталась.

– Ну и что нам с тобой делать, твою мать, нерыжий рыжик?..

Вопрос был риторическим: Милана смотрела так, что Попову стало жарко.

– Ты когда... Когда хочешь, чтобы мы тебе показали?

Он поймал на себе странный, испуганный и... благодарный взгляд жены.

– Когда угодно. До обеда меня не хватятся.

– Можем хоть сейчас.

Мальчик молчал.

– Можем?

Попов посмотрел жене в глаза.

– Можем.

Милана кивнула.

– Нам это сделать пара пустяков.

В номере жена пошла смывать с себя морскую соль, а Попов с гостем сели в кресла по разные стороны от темного комода.

Они молчали; говорить было не о чем.

Парень, вероятно, опасался, что взрослые передумают, стоит лишь напомнить о себе. А Попов пытался понять свои мысли и не мог ответить на вопрос: как он – умный и практичный – ввязался в нелепую игру. Точнее, зачем это надо жене, с чьего молчаливого согласия все началось.

Вода в душе перестала шуметь, некоторое время жужжал фен, потом с облаком пара выскользнула едва прикрытая Милана.

Попов отмылся по-военному, за пару минут. Выходя из душа, тоже прикрылся; в предвкушении выходки тело вело себя неясным образом.

В номере ничего не изменилось.

Мальчик окаменел в напряженной позе.

Милана сидела, положив обернутый полотенцем бюст на скрещенные локти и скрестив красивые ноги.

Попов протянул ей руку. Отступать было некуда.

Встав с кресла, Милана отшвырнула полотенце жестом стриптизерши.

Соски на ее белой груди казались черными.

Шагнув к кровати, она опрокинулась на спину.

Попов бросил куда-то полотенце.

– Ой, а что это у вас там?! – в изумлении воскликнул мальчик.

– Ошибка молодости, – коротко ответил Попов.

Ему не хотелось рассказывать пацану, как в экипаж военно-морского училища пробрался мастер-татуировщик и, взяв серьезные деньги, подговорил курсантов отметить тела соответствующими символами. Причем якорь на причинном месте стоил втрое дороже прочего ввиду тонкости работы.

Вздохнув, он положил руки на белые полушария жены.

Милана улыбнулась ободряюще.

Кажется, присутствие зрителя ей не мешало.

Он закрыл глаза и постарался не думать о лишнем.

– ...Высший класс.

Мальчишка поднялся с кресла.

– Спасибо. И вам спасибо, тетя...

– ...Эллен

– Тетя Эллен. А можно...

– Можно.

Милана перебила с усмешкой, не дожидаясь вопроса.

– Завтра и послезавтра и каждый день.

– Спасибо.

Порывшись в плавках, мальчик выложил на черный комод аккуратно сложенную блекло-желтую бумажку.

– Вот.

– Ты насчет денег-то брось.

Попов приподнялся на локте.

– Нет. Мой папа говорит, что за любую услугу надо платить, иначе второй раз не попросишь.

– Умное высказывание. Нельзя не согласиться. Кто твой папа?

– Да никто. Богатый зануда. Управляющий банком или что-то вроде того.

Милана тоже привстала.

– Все, мне пора. А то в самом деле начнут искать. Спасибо и до завтра.

– Деньги-то забери! – крикнула она вслед мягко захлопнувшейся двери.

Попов встал и пошел в душ.

– Ничего себе мальчик с соседнего пляжа!

В голосе жены звучал неприкрытый восторг.

– Представляешь, сколько денег он оставил?

– Евро? пять евро? десять?

– Пятьдесят.

– Круто живем. Пятьдесят евро за собственное удовольствие.

– Да уж. Не податься ли нам в порноактеры?

– Им платят меньше.

Он включил воду.

Как ни странно, в душе не было ни стыда, ни даже мутного осадка, лишь в теле дрожало нечто давно забытое.

– А требуют больше.

5

– Ты думаешь, ему на самом деле уже есть восемнадцать? – спросил Попов. – Или сколько там положено по нынешним дурацким законам?

За окном стояла ночь, они лежали в постели.

– Думаю, что да. Хотя какая нам разница?

– Мы не попадем под статью за совращение малолетнего?

– А кто узнает? И в конце концов, мы его совращаем не больше, чем порносайт с веб-камерой.

– Да и вообще. Для его воспитания полезнее видеть нас, чем подглядывать в спальню родителей.

– А ведь по возрасту он мог быть нашим с тобой сыном.

– Да.

Ответив коротко, Попов замолчал.

Они коснулись невеселой темы.

Вряд ли стоило напоминать друг другу, что сорокатрехлетний атлетически сложенный мужчина на самом деле – инвалид, не способный иметь детей.

Старший лейтенант Александр Попов, командир «БЧ номер N» ракетного крейсера «Слава», не был виноват в пожаре, случившемся в хранилище боеголовок. Равно как и в том, что всерьез облучился только он, бросившийся первым на ликвидацию. Но молодая жена Ланя, ждавшая на берегу, тоже не была виновата, что комиссованный, облысевший, как бильярдный шар, муж через полгода ожил не до конца. Проблема, рожденная глупостью, обернулась трагедией, отравившей семейную жизнь.

Время от времени – особенно в последние годы – между ними поднималась стеклянная стена, которую было не пробить.

В номере стояла комфортная и прохлада. Миланино тело смутно белело в плотной турецкой темноте.

Он коснулся ее очень осторожно и замер, ожидая реакции.

– Не будем сегодня? – спросил он через некоторое время. – Не хочешь?

– Хочу. Но что-то не могу.

Такое с ней случалось всякий раз, как только заходил разговор о детях.

– Устала. Но ты если хочешь... Только меня не жди.

– Хочу. Ты же знаешь.

Милана не ответила.

Тело ее радовало, ничего лучшего не могло быть.

Сам себе он казался молодым и сильным... и не имеющим проблем.

Наверное их и не имелось – так стало ясным минут через пять.

Он бы чувствовал себя полностью счастливым, если бы...

Жена дышала ровно и было непонятно, витает ли она на границе полусна или просто не хочет разговаривать.

– Напомни мне завтра, чтобы я там побрилась, – сказала Милана уже когда он думал, что она спит.

6

– Послушайте...

Попов потерял счет дням; казалось, на отдыхе они только тем и занимались и происходящее не воспринималось извращением.

Более того, казалось, что действие несет нечто острое, чего до сих пор не имелось.

И не только острое, но...

– Послушайте, вы мне много показали. Я теперь кое-что понял.

– Мы старались.

Милана улыбнулась и провела рукой по волосам, еще влажным после душа.

– Джим... Джин... Подойди сюда.

Мальчик приблизился, ступая неуверенно.

– Дай я тебя поцелую.

Попов не мог понять, кем сейчас была его жена: женщиной или матерью.

– Ну ладно. Все...

Очнувшись, она оттолкнула мальчика, совершенно пунцового.

– Все на сегодня. Иди теперь, иди!

7

– Саша, ты сердись, что я втянула тебя в эту игру?

Желанная, как никогда – и более далекая, чем всегда – Милана сидела на краю кровати.

Попов промолчал.

Вопрос не требовал ответа, ни один из вариантов не изменил бы ровным счетом ничего.

– Не сердись.

– Я и не сержусь.

– И не сердись.

Жена пересела ближе.

Протянув руку, он тронул ее грудь.

– Не сердись.

Она подалась к нему.

– Я не знаю, что со мной делается.

– Я тоже.

Попов вздохнул.

Потянув за запястье, жена зажала его ладонь бедрами.

– В самом деле.

Он пошевелился, ее тело вздрогнуло.

– Давно такого не было.

– Знаешь, Саша, у нас ведь с тобой в последнее время...

– Знаю. Только поделаться ничего не могу.

В самом деле, он знал все.

Продолжение не вызывало сомнений, завершение не обещало ничего.

Точнее, обещало очередную констатацию развала.

Тему следовало пресечь.

– Я тоже не знаю, что делать.

Внутри жены оказалось обещающе.

– Не знала, – поправилась она.

– А теперь знаешь?

Милана расслабила ноги, на него пахнуло чем-то прежним.

– Не знаю, знаю ли, но знаю, что...

Она вытолкнула его руку прочь, отсела подальше.

– Ты сегодня опять устала, – утвердительно спросил он.

– Немножко.

Голос звучал чуть виновато.

– И низ тянет.

– Месячные на подходе?

– Нет, овуляция.

Милена с преувеличенным вниманием следила за своими фазами. Бесполезность занятия приводила Попова в отчаяние, но он не комментировал, зная, что будет только хуже.

– Поцелуй мне грудь.

Опять придвинувшись, она наклонилась к нему.

– Методом торпедной спирали, как ты умеешь.

– Спиральной торпеды, – автоматически поправил Попов.

Этот способ, освоенный во времена ВМФ, был ее любимым.

8

Единственный зритель сидел на привычном месте, его лицо было грустным.

Видимо, парню влетело от родителей за какую-то провинность.

Хотя вид аккуратного «Джина» исключал мысли о шалостях.

Когда Милана забралась на кровать, мальчик сказал:

– Всё. Мы с родителями уезжаем.

Попов увидел, как изменилось ее лицо.

– Вы здесь сколько, тетя Эллен?

– Десять дней. То есть двенадцать. Приехали на две недели.

– А мы были месяц. И сегодня вечером улетаем.

Необъяснимая грусть повисла в воздухе; показалось, будто нечто серьезное вот-вот уйдет из жизни.

– Тебе понравилось? – спросил Попов, чтоб разбить печальную тишину.

– Очень.

Парень кивнул.

– Большое вам спасибо. За все. Честно говоря, я не ожидал.

– Ты хороший мальчик.

Жена заговорила не своим голосом.

– Хочешь... потрогать мою грудь?

И метнула на Попова умоляющий взгляд.

Попов понимал, что это недопустимо, но столь же недопустимо этому мешать, поскольку стеклянная стена делалась все толще. И если Милане захотелось причуды, то лично ему ничего не повредит, а стекло, возможно, на время исчезнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.